DOI: 10.56429/2414-4894-2025-51-2-109-125

У Цифан
аспирант исторического факультета
Университета Цинхуа.
Китай, Пекин, Парк Цинхуа, № 1
wqf24@mails.tsinghua.edu.cn

РУССКИЕ ЛЕСНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ В МАНЬЧЖУРИИ (1895—1904) В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Wu Qifang
Postgraduate Student,
Department of History,
Tsinghua University.
China, Beijing, Tsinghua Park, N 1
wqf24@mails.tsinghua.edu.cn

RUSSIAN FOREST EXPEDITIONS IN MANCHURIA (1895—1904) IN THE CONTEXT OF GLOBAL HISTORY

Аннотация. Леса реки Ялу сыграли ключевую роль в изменении экологии и перестройке пограничного порядка в современной Северо-Восточной Азии. В течение примерно десяти лет (1895—1904 гг.) Русское географическое общество, Генеральный штаб и Министерство финансов направляли многочисленные экспедиционные отряды на границу реки, где наряду с исследованиями Россия «управляла» лесным бизнесом. Лесоразработки по обе стороны Ялу стали центром внимания России в Восточной Азии. В то же время военная деятельность России под прикрытием лесного дела вызывала настороженность Японии. Лесной вопрос стал для японской «партии войны» важным средством разжигания военных настроений, успешного формирования международного общественного мнения о необходимости немедленной войны между Россией и Японией и представления себя в позиции «вынужденной обороны». Российско-японская игра привела к началу войны по многим причинам, но важным провоцирующим фактором стал вопрос о лесе на р. Ялу.

С точки зрения глобальной истории статья исследует взаимное переплетение колониализма, империализма и национализма в пограничной зоне

©У Цифан, 2025
©Wu Qifang, 2025

р. Ялу, тем самым представляя историю леса, которая выходит за пределы национальных границ.

Ключевые слова: *лес реки Ялу, экспедиционная деятельность, русско-японская война, глобальная история.*

Abstract. The Yalu River forest played a key role in the changes in the ecological environment and the reshaping of border order in Northeast Asia in modern times. For about ten years from 1895 to 1904, the Russian Geographical Society, the General Staff, and the Ministry of Finance dispatched numerous expedition teams to the Yalu River border. Along with forest researches on the border, Russia simultaneously "managed" the Yalu River forest business. Forest development on both sides of the Yalu River has become the focus of Russia's attention in East Asia. At the same time, Russian military activities under the cover of the forestry cause aroused Japan's vigilance. As the current situation changes, the Yalu River forest issue has become an important means for Japan's "war party" to incite war sentiments. Japan has used this to successfully shape international public opinion on the "Russo-Japanese War" and present a "forced defense" posture. The Japan-Russia game ultimately led to the outbreak of war for multiple reasons, but the Yalu River forest issue was also an important inducing factor.

From the perspective of global history, this paper explores the intertwining of colonialism, imperialism and nationalism on the Yalu River border zone, thus presenting a forest history that transcends national boundaries.

Key words: *Yalu River Forest, expedition activities, Russian-Japanese War, global history.*

Конец XIX и начало XX в. стали эпохой глобальной экспансии капитализма и обострения противоречий между великими державами. Не только военное дело, дипломатия и торговля, но и наука, оказались пространством столкновения геополитических интересов. В эту эпоху, благодаря финансированию правительством океанских путешествий, большому объему информации, полученному в результате печати карт, и постоянному развитию коммуникационных технологий, научные экспедиции шли полным ходом [31]. В статье исследуется деятельность российских экспедиций по освоению лесных ресурсов по обе стороны р. Ялу на Дальнем Востоке на рубеже XIX—XX вв. Хронологической точкой отсчета является 1895 г. — год окончания китайско-японской войны. Также этот год стал отправной точкой для первых российских крупномасштабных экспедиционных отрядов на границу Маньчжурии и Кореи [5]. Конец исследуемого периода — 1904 г., незадолго до начала русско-японской войны. Русско-японская война получила название «Нулевая мировая война» и является «важным поворотным моментом в истории Дальнего Востока и даже истории мира» [28, с. 491]. В течение примерно десяти лет перспективы лесного хозяйства и экология бассейна р. Ялу были всесторонне изучены с привлечением ботаников, зоологов, геологов и других ученых, а также офицеров Генерального штаба Российской империи.

В условиях трансформации мирового порядка и ускорения процессов глобализации изучение глобальной истории стало насущной необходимостью, продиктованной временем [20]. Параллельные проекты, такие как глобальная и экологическая история, используют широкий исторический взгляд для анализа мировых исторических процессов в контексте глобальной экологии [21]. Таким образом, статья опирается на пересечение методов исследования глобальной истории и истории окружающей среды, а также военной экологической истории, изучая развитие лесов и проникновение русских и японских интересов в бассейн Ялу перед русско-японской войной, японско-российские переговоры по лесам с точки зрения «теории маньчжурско-корейского обмена» и тесную связь между концессией лесов на р. Ялу и русско-японской войной.

По словам М. Хайдеггера, «границы — это не то, где что-то прекращается, а то, где что-то начинается» [33, p. 148]. В то же время в соответствии с концепцией «Северо-Восточной Евразии» (Northeast Eurasia), которую отстаивал проф. Сун Няньшэнь, бассейн р. Ялу следует рассматривать не как изолированную пространственную единицу, а как часть более крупного экологического, географического и исторического пространства [35]. Исходя из этого, в статье граница р. Ялу взята в качестве центра карты Восточной Азии, а российская экспедиция по изучению лесных ресурсов Ялу — в качестве отправной точки. Сделана попытка исследовать восточноазиатский порядок, сформированный лесами, и подчеркнуть интеграцию и связь, конфликт и конфронтацию между Китаем, Японией, Россией и Кореей через лес р. Ялу.

Сосредоточив внимание на людях, товарах и разведданных, пересекавших реку, можно проследить, как приграничные районы р. Ялу трансформировались в ходе процессов «децентрализации» (удаления центра государства) и «перецентрирования» (центрирования леса), что позволяет глубже понять особенности лесной экологии, географических исследований и военной деятельности в этом регионе.

Открытие реки Ялу: истоки русских лесных экспедиций

Бассейн р. Ялу в географическом пространственном смысле относится к обоим ее берегам — на северо-восточной стороне Китая и на корейской стороне. Сюда также входят городские территории, омываемые водной системой реки. Правый приток Ялу, находящийся на территории Китая, берет начало у южного подножия г. Чанбайшань и впадает в Желтое море. Левые притоки, расположенные на территории Кореи, берут начало в горном хребте Лангрим и впадают в Желтое море с обеих сторон принадлежащего Корее о. Пидан-Сом [26].

Река Ялу — естественная пограничная река между Китаем и Кореей, обладающая развитой водной системой и пышными лесами по берегам.

В 1766 г. цинское правительство распорядилось создать в Мукдене (Шэньян) систему из 22 лесозаготовительных горных ферм [27]. После этого центр лесного хозяйства Северо-Восточного Китая постепенно сместился в бассейн Ялу, где лесозаготовки приобрели профессиональный характер и положили начало формированию лесопромышленного комплекса. По данным российских исследователей, левый берег Ялу, который в основном относится к северо-западной пограничной зоне Кореи, также покрыт сплошными пышными лиственными лесами с разнообразными формами растительности [15].

С начала современной эпохи правительство Цин, находясь под двойным давлением пограничного кризиса и территориальных споров, изменило управление лесами р. Ялу, перейдя от запрета к поощрению. Китай и Корея провели исследования и географическое картирование приграничных территорий для демаркации границ.

В 1677 г. император Канси династии Цин направил придворного сановника У Мунэ для исследования г. Чанбайшань, что положило начало серии китайско-корейских пограничных географических изысканий [36].

Благодаря своему географическому положению, стратегическому значению и богатым материальным ресурсам р. Ялу стала центром имперского соперничества. После Крымской войны 1856 г. противостояние Великобритании и России переместилось из Центральной в Северо-Восточную Азию, и граница Китая и Кореи стала горячей точкой их исследований. В 1885 г. британцы направили войска для оккупации корейского острова Геомундо, а членов Королевского географического общества — исследовать границу по р. Ялу [32].

После китайско-японской войны 1895 г. усиление могущества Японии изменило первоначальный баланс сил между Великобританией и Россией. Британцы, русские и японцы один за другим «открывали» этот лес во имя научных исследований. Имперские штабные офицеры, лесники и геодезисты, путешествовавшие по обоим берегам реки, поделились опытом и оказали интеллектуальную поддержку развитию лесного хозяйства своих стран в этом регионе. В борьбе за лесные ресурсы между Россией и Японией они служили «передовым отрядом» в освоении этих ресурсов и проведении колониальной оккупации, а российская политика на Дальнем Востоке постепенно трансформировалась от «открытия» к «полевой экспедиции».

В сложном переплетении процессов глобальной колонизации, научных исследований и торговой деятельности стимулировалось стремление империй к экзотическим экспедициям.

Во-первых, «открытие» русскими лесов р. Ялу связано с извлечением коммерческой прибыли из самого леса. Начиная с политики запрета правительства Цин на северо-востоке и заканчивая созданием лесных агентств в устье Ялу, чиновники начали собирать налоги на древесину и поощрять лесозаготовительную продукцию. Древесина с обоих берегов реки потекла на рынок материкового Китая. Лесопромышленные группы

процветали, и бассейн Ялу постепенно превратился из пограничной зоны в центр торговли лесной продукцией Северо-Восточного Китая и крупнейший район лесного производства в Северном Китае.

Во-вторых, существует историческая традиция заграничных экспедиций Русского географического общества (РГО). К тому времени Общество уже полвека организовывало научные экспедиции по всему миру. Строительство Китайско-Восточной железной дороги означало, что в регионе Северной Маньчжурии будут проводиться все более детальные исследовательские работы. Поэтому для россиян «неизвестные интересы» в районе Южной Маньчжурии и на китайско-корейской границе настоятельно требовали отправки экспедиционных групп [2].

В-третьих, военная активность России и Японии в формировании противостояния на границе Китая и Кореи. Из-за опасений войны с Японией и соперничества между империями за лесные ресурсы на границе Китая и Кореи лес р. Ялу был важным сырьем для кораблестроения, железных дорог, топлива и военных материалов. Поэтому дальневосточная политика России была скорректирована в пользу отправки большого количества экспедиционных отрядов к лесным границам реки. Перед русско-японской войной «приграничный лес» и «приграничный народ» одновременно написали русскую «историю открытия» леса р. Ялу.

Экспедиции по реке Ялу: реализация мероприятий Русской лесной экспедиции

В конце XIX в. постепенно оформилась интерконтинентальная колониальная система, а локомотивом глобализации стало развитие капитализма [22]. В этом контексте Россия отправила множество экспедиционных отрядов в разные уголки мира в поисках богатства, расширения торговых путей, незамерзающих портов, строительства железных дорог и удовлетворения любопытства к экзотическим приключениям. Среди них наиболее тесно связанной с началом русско-японской войны была предвоенная экспедиционная деятельность русских на лесной границе р. Ялу. От начала русского «открытия» леса до развертывания широкомасштабной лесоинспекционной деятельности создавались предпосылки для последующего «управления» лесной промышленностью Ялу.

6 августа 1845 г. Николай I утвердил создание Русского географического общества со штаб-квартирой в Санкт-Петербурге (с 1850 по 1917 г. — Императорское русское географическое общество). Общество стало одним из старейших в мире вслед за Французским географическим обществом (1821), Немецким географическим обществом (1828) и Королевским географическим обществом (1830).

Русское географическое общество избавилось от узких рамок деятельности, ограниченных словом «география». В первой половине XIX в. знаменитый русский географ К. Риттер в своих произведениях часто использовал слово «землеведение» для обозначения знаний о Земле в самом

широком смысле [18]. С 1861 г. масштабные сибирские экспедиции, организованные РГО, перешагнули границу России и достигли Северо-Восточного Китая, Монголии и других мест [18]. Подполковник И.И. Стрельбицкий, перешедший в 1895 г. границу между Северо-Восточным Китаем и Кореей, выдвинул идею происхождения рек Ялу, Тумень и Сунгари. Это пробудило у россиян энтузиазм исследования истоков этих рек [5].

Российским правительством и географическим обществом было отправлено и профинансировано большое количество лесных экспедиций на оба берега Ялу, в том числе четыре представительные команды А.Г. Лубенцова, В.Л. Комарова и Э.Э. Анерта, П.Ю. Шмидта и группа, отправленная императором Николаем II.

Экспедиции члена Русского географического общества А.Г. Лубенцова

В августе 1895 г. А.Г. Лубенцов возглавил группу по географическому обследованию и изучению севера Кореи. По результатам своего исследования Лубенцов составил книгу «Хамкенская и Пхиенанская провиции Кореи» [11]. Лесные ресурсы р. Ялу, зафиксированные его экспедиционным отрядом, можно свести как минимум к четырем уровням.

1. На побережье произрастает множество видов древесных растений. Территории провинций Южная Хамгён и Северный Пхёнган в Корее, где протекает р. Ялу, покрыты густой лесной растительностью: «Вдоль берегов речек и ручьев приморских долин растет ивняк, тальник, ясень, дуб, лещина, бузина, осина, клен, ива» [11, с. 218].

2. Текущее состояние использования продуктов лесного хозяйства. Различные лесные ресурсы в бассейне реки, такие как черные березы, тутовые деревья и сосны, либо используются для производства и жизни населения, либо служат барьерами от ветра и заноса песком, обеспечивая сырьевую мощь и экологическую гарантию для развития традиционного корейского общества [11].

3. Экономическая концепция развития лесного хозяйства. Лубенцов обнаружил, что фруктовые и чайные деревья естественным образом растут на левом берегу р. Ялу, поэтому он предположил, что в Корее возможны виноделие из дикого боярышника, посадка винограда, чайных деревьев и торговля чаем [11].

4. Импорт и экспорт изделий из древесины и продуктов лесного хозяйства. Бумажное дерево и женьшень, растущие вдоль реки, перерабатываются и экспортируются в больших количествах. Согласно прилагаемой к докладу Таблице внешней морской торговли Кореи с 1886 по 1893 г., объем импорта леса, древесины и изделий из них с 1886 по 1892 г. составил 182 545 долл., или 4,9% от общего объема импорта внешней морской торговли Кореи; в 1893 г. объем импорта достиг 327 769 долл., или 8,7% [11].

В докладе А.Г. Лубенцова опровергается теория превосходства, согласно которой «американцы и другие расисты восхваляют Японию как

лучшую расу, способную вести восточноазиатские страны к цивилизации и прогрессу» [5, с. 50]. Он разоблачил лицемерие этой теории и указал на страдания корейского народа под властью Японии.

Экспедиционная деятельность ботаника В.Л. Комарова и геолога Э.Э. Анерта

В период с 1895 по 1897 г. ботаник В.Л. Комаров при финансовой поддержке Русского географического общества проводил трехлетнее исследование лесных территорий в районах, по которым предполагалось проложить Восточно-Китайскую железную дорогу. 6 июля 1896 г. Комаров встретился с геологом Э.Э. Анертом в окрестностях Нингуты. На следующий год РГО одобрило представленную ими Записку о плане работ Маньчжурской экспедиции на 1897 г. Возглавляемая ими экспедиция с 7 мая по 13 ноября 1897 г. провела шестимесячные исследования вдоль китайско-корейской границы, в ходе которых дважды обследовала бассейн р. Ялу.

С 1901 по 1907 г. в Санкт-Петербурге выходил трехтомник В.Л. Комарова «Флора Маньчжурии». В книге описаны 1682 вида растений Дальнего Востока, 84 из которых — вновь открытые. Комаров предположил, что «каждая флора имеет свои границы» [9, с. 17]. После трех лет исследований лесов Северо-Восточного Китая он сформулировал понятия таких категорий, как «вид», «раса», «разновидность» и «подвид» для классификации растений. Он призвал «ботаников и ученых больше не довольствоваться изложением существующих характеристик конкретного растения как единой видовой концепции» и серьезно задуматься над тем, когда изменяется среда произрастания, «изменяются ли соответственно его характеристики», поэтому он выступал за введение понятия «раса» в классификацию царства растений. Комаров считал, что при изучении флоры основой единицей исследования следует считать не абстрактное типовое понятие «вид», а реальную генетическую группу «раса», или подвиды и виды второго порядка [9, с. 74—80].

Экспедиционная деятельность зоолога П.Ю. Шмидта

В 1899 г. русский зоолог и ихтиолог П.Ю. Шмидт совершил свое первое путешествие на Дальний Восток в качестве капитана Корейско-Сахалинской экспедиции. В 1900 г. Шмидт опубликовал в Известиях Императорского Русского географического общества «Вести из Корейской экспедиции» [23]. С 1900 по 1903 г. он опубликовал книги «Корея и Корейцы» и «Страна утреннего спокойствия: Корея и ее обитатели» [24, 25]. В них подробно проанализированы различные аспекты национального характера, дан географический обзор, описаны климат, население, транспорт, города, религия и образование.

По словам Шмидта, «российские лесопромышленные компании начали развиваться в этой сфере, что принесло огромную экономическую

выгоду. Превосходную древесину можно легко спустить по реке Ялу и переработать в деревянные доски в низовьях реки Ялу. Затем его переправили на пароходе в Порт-Артур и Дарни, где спрос на древесный материал был велик и раньше почти полностью удовлетворялся за счет американской древесины» [24, с. 28—29].

После экспедиции Шмидт пришел к тому же выводу, что и А.Г. Лубенцов: «чай в Корее совершенно неизвестен» [24, с. 23]. Экспедиция под руководством Лубенцова обнаружила чайные деревья в районе Пхеньянского поля. Хотя в Китае и Японии чай употребляли в больших количествах, северокорейцам он почти не был известен, чай пили только высокопоставленные чиновники, он еще не начал распространяться и продаваться [11].

Экспедиционная группа в Северную Корею, отправленная Николаем II

Перед русско-японской войной среди экспедиционных групп, отправленных Россией в бассейн р. Ялу, наибольших результатов добились две, отправленные в этот район с одобрения императора в 1898 г. Выслушав предложение А.М. Безобразова о получении лесной концессии на р. Ялу, император решил направить в Корею две группы под командованием майора Н.А. Корфа и кавалерийского лейтенанта А.И. Звегинцова в период с мая по июнь 1898 г. Информация о лесах, полученная экспедицией, послужила важным ориентиром для последующего приобретения Россией прав на лесное хозяйство на р. Ялу.

После возвращения экспедиции в Россию были опубликованы экспедиционные отчеты, в основном по корейской военной географии, в том числе «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову», «Поездка в Северную Корею», «Северная Корея. Сборник описаний позиций», «Описание Жёлтого и Японского морей и Корейского пролива как районов военных действий», «Военное обозрение Северной Кореи» [3, 6—8, 10].

В докладе капитана первой экспедиционной команды А.И. Звегинцова «Поездка в Северную Корею» анализируется феномен лесных пожаров в районе р. Ялу. В том числе он отмечает, что к западу от Маошаня, на пересечении рек Ялу, Сонхуа и Тумэнь возник горный лесной массив, а над ним раскинулась равнинная луговина [6]. В книге капитанов Н.А. Корфа и А.И. Звегинцова «Военное обозрение Северной Кореи» описаны история, география, население, экономика и транспорт, разбиты по категориям прилегающие морские территории [10]. Это русскоязычная версия корейской военной географии [36]. В «Основных выводах корейской экспедиции осенью 1898 года» Корф решительно подчеркивал значение приобретения прав на лес р. Ялу. В России позже к этому отчету отнеслись неоднозначно [4].

Перечисленные экспедиции, а также экспедиция, работа которой зафиксирована в «Описании Кореи» и «Описании Маньчжурии», состав-

ленных Министерством финансов России, открыли богатые виды древесных растений вдоль р. Ялу, получили подробные данные об импорте и экспорте древесины и изделий из нее и предложили экономическую концепцию развития лесного хозяйства на основе текущего состояния использования лесной продукции, собрали «никогда не открытые» образцы растений, узнали о выращивании и эффективности женьшеня, астрагала, волчьей ягоды и других трав, обогатили новыми видами Санкт-Петербургский Императорский ботанический сад, дополнив исследования Императорской Академии наук в лесах на границе между Китаем и Кореей [15, 16].

Эти экспедиции, проводившиеся в политических, коммерческих, научно-исследовательских и военно-стратегических целях, описывали не только природный ландшафт р. Ялу, но и историю маньчжурской династии, торговлю данью, гидрологические и географические особенности, численность войск, религиозные обычаи и систему социального надзора. Через эти описания формировалось русское представление о вхождении в новый мир и складывалась система знаний, принадлежавшая российской империи. Эта система включала психологические ожидания, практические нормы и географическую ориентацию, а впоследствии стала частью имперского дискурса власти.

Материалы экспедиций получили своих подписчиков, среди которых российские научные объединения, географические общества, музеи, библиотеки, ботанические сады и др. Эти учреждения распространяли информацию о лесе р. Ялу среди широкой российской общественности, давали возможность обсуждать и составлять представление об имперской России.

Экспедиции, организованные Русским географическим обществом, императорским правительством, Генеральным штабом и Министерством финансов, не только изучили состояние лесного хозяйства в районе р. Ялу, но и заложили основу для последующего освоения и хозяйственного использования этого региона Россией.

«Управление» рекой Ялу: российская лесная промышленность и начало русско-японской войны

После обнаружения и исследования лесных ресурсов на р. Ялу Россия начала «управлять» лесным бизнесом. Внимание к правам на этот лес привлек российский бизнесмен Ю.И. Бринер, который в 1896 г. приобрел здесь лесную концессию за 15 000 рублей. В нее вошла территория площадью 5000 кв. км от р. Ялу до побережья р. Тумен и о. Уллындо. После того как А.М. Безобразов узнал, что Ю.И. Бринер продает права на лесопользование, он немедленно направил императору Николаю письмо с предложением купить эти права и создать Восточно-Азиатскую промышленную компанию, используя р. Ялу в качестве линии

обороны. Он также предложил отправить в Северную Корею группу геодезистов, чтобы проверить, есть ли в этом районе богатые природные ресурсы [1].

Помимо коммерческой выгоды А.М. Безобразов выступал за дальнейшее расширение промышленной и торговой деятельности России в Восточной Азии с помощью этой лесной концессии [17]. Ввиду этого кабинет министров профинансировал отправку в Корею специальной экспедиции (экспедиция 1898 г. в Северную Корею, возглавляемая Н.А. Корфом и А.И. Звегинцовым). Посыл этой экспедиции заключался в том, что все бассейны рек Ялу и Тумэнь станут источником огромного богатства. 20 мая 1899 г. Россия приобрела лесные концессии на левом берегу р. Ялу за 65 000 рублей [1].

10 марта 1898 г. А.М. Безобразов и И.И. Воронцов-Дашков представили императору свои идеи относительно Восточно-Азиатской промышленной компании и лесной концессии. В письме подчеркивалось, что Восточно-Азиатская промышленная компания стремится не только к извлечению прибыли, но и имеет политические цели [12]. 29 июня 1901 г. комитет принял устав Компании, при этом сфера ее деятельности не ограничивалась Кореей [1].

Лес на р. Ялу — главный объект интересов «фракции Безобразова». Россия получила права на разработку леса на левом берегу реки. Однако после создания Восточно-Азиатской промышленной компании фракция выступила за немедленное приобретение прав на разработку лесов и на китайской стороне. Они считали, что «лесная концессия на левом берегу реки Ялу будет иметь полное значение только тогда, когда экономическая деятельность распространится на правый берег» [17, с. 27]. В 1902 г. Россия начала переговоры с китайским правительством об эксплуатации лесов на правом берегу.

В начале 1903 г. истекли права России на вырубку леса на корейской стороне реки, но началось строительство базы Юньянпо для торговли лесом из Китая [13]. 31 мая 1903 г. в России была официально учреждена Дальневосточная лесопромышленная компания в форме Русского лесопромышленного товарищества. После создания различных российских компаний на р. Ялу управление лесной промышленностью достигло своего пика и стало политическим достижением группы Безобразова. Лесной заслон и отправка гарнизонных войск на р. Ялу, за которые выступал Безобразов, вызвали ожесточенные споры в России. Дело о лесе р. Ялу продемонстрировало политическую борьбу между фракциями С.Ю. Витте и А.М. Безобразова. Военные действия России под прикрытием леса вызвали переполох в Восточной Азии. Японская сторона сразу же предложила провести российско-японские лесные переговоры, в основе которых лежала «теория маньчжурско-корейского обмена».

С точки зрения Японии, действия России на р. Ялу усилили факторы неопределенности и риска в Восточной Азии. Япония подозревала, что таким образом Россия готовится к военным действиям в Корее, и это

вызывало у японцев сильное недовольство российской дальневосточной политикой.

30 января 1902 г. Великобритания и Япония заключили шесть договоров Англо-японского союза [39]. В рамках противодействия российской лесозаготовительной деятельности британские и японские войска совместно оказали давление на императора Чосона Кочжона, добившись открытия Ыйджу в качестве торгового порта [40]. Одновременно с этим Япония предпринимала усилия по созданию «теории войны между Японией и Россией» и «теории хорошей возможности для войны» [40].

В июне 1903 г. семь профессоров, главным образом из Токийского императорского университета, представили премьер-министру К. Таро и министру иностранных дел К. Дзютаро «Письмо-мнение» о «теории русско-японской войны» и «теории военных возможностей». В этом письме они критиковали японское правительство за слабость дипломатии в отношении России и выступали за немедленное начало войны [40]. «Теорией войны» были наводнены все крупные газеты и периодические издания, такие как «Токио Асахи Симбун», «Майнити Симбун», «Нэшнл Ньюс» и др. От правительства требовали прекратить переговоры и немедленно начать войну. Газеты утверждали, что Япония направила войска в Корею, чтобы защитить ее независимость [37].

Очевидно, что вопрос о лесе на р. Ялу был «средством в руках японских военачальников для поддержания национального общественного мнения и общественности во враждебном отношении к России. Это также средство для разжигания таких воинственных настроений и поддержания их на определенном уровне накала, когда ситуация успокоилась и национальная общественность стала более холодной» [19, с. 87].

8 февраля 1904 г. японский флот атаковал русский Лушуньский флот, стоявший на якоре в Порт-Артуре. Официально началась русско-японская война. До сих пор Япония с помощью проблемы леса на р. Ялу успешно формировала международное общественное мнение о необходимости войны с Россией, в этом же она нашла хорошую возможность для начала самой войны. «Японской дипломатии, по сути, удалось натянуть нос царскому правительству, создать англо-японский союз и шпионить за китайско-русским секретным договором. Переговоры по маньчжурскому вопросу также стали эпизодом всей русско-японской борьбы. По крайней мере, несомненно то, что конфликт между Токио и Санкт-Петербургом неизбежен» [14, с. 5]. Было много причин, из-за которых русско-японская игра в конечном итоге привела к войне, но одним из важных провоцирующих факторов стала именно проблема леса на р. Ялу.

Лес реки Ялу с точки зрения глобальной истории

Ученые в разных странах анализировали события русско-японской войны и указывали на то, что ее причиной стал лесной проект на р. Ялу. Корейский ученый Вон-Су Ким считает, что «кризис Ялу», вызванный

правами на вырубку леса, является предвестником кризиса и войны в Восточной Азии [41]. Русский ученый И.В. Лукоянов считает, что «Витте завел русскую политику в тупик, а лесная деятельность группы Безобразова поставила Россию на грань войны» [34, с. 86].

Китайский ученый Чэнь Жун отметил, что российские лесные проекты по обе стороны р. Ялу привели к тому, что китайско-японская компания «Ишэн» оказалась неэффективной и что лесной вопрос стал одним из поводов для «русско-японских переговоров, приведших к военному конфликту» [29, с. 160]. Японский ученый С. Ёкоте предположил, что в международной политике между двумя противоборствующими странами существовала «дилемма безопасности». Россия хотела повысить собственную безопасность с помощью лесного барьера, это усилило японское «чувство тревоги» и Япония не смогла «найти эффективного решения, кроме развязывания войны» [38, с. 112].

На примере леса на р. Ялу мы можем показать исторический процесс приближения Японии и России к войне, а также изменения в международных отношениях с точки зрения глобальной истории. До русско-японской войны лесная граница на реке служила буферной зоной между Китаем, Японией, Россией и Кореей, куда одновременно проникали, конфликтовали и соперничали многочисленные силы: проводилась инспекция ресурсов, развивалось лесное хозяйство и осуществлялся колониальный грабеж. Споры между Японией и Россией вокруг лесной границы — это, по сути, соревнование национальных сил, сосредоточенное на переговорах о суверенитете над лесами. Изменения лесов в бассейне р. Ялу не только «участвовали в трансформации отношений между Китаем и Кореей — от сюзеренитета к суверенитету», но и засвидетельствовали различные формы проявления пространства, суверенитета и территории в контексте различных колониальных империй и национальных государств [30]. Борьба за права на лесопользование на р. Ялу вдохновила китайцев на строительство границ, стимулировала колониальные империи Японии и России и способствовала модернизационным преобразованиям в Северо-Восточной Азии. С точки зрения глобальной истории три аспекта в изменениях статуса леса р. Ялу — политика, экология и военное дело — демонстрируют взаимодействие сдержек и противовесов между людьми, природой и государством, которое развивается сложным образом и выходит за пределы географических границ Китая и Кореи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаза А.М.* Русские предприятия в Корее в связи с нашей политикой на Дальнем Востоке 1898—1904. Декабрь 1905 г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 529. Л. 18.

2. *Анерт Э.Э., Комаров В.Л.* Записка о плане работ Маньчжурской экспедиции на 1897 год // Известия ИРГО. 1897. Т. 33. С. 95—97.

3. *Гарин-Михайловский Н.Г.* По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову. СПб.: Знание, 1904.

4. Дневник А.Н. Куропаткина, 24 июля 1903 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 183. Л. 100—101.

5. *Зайчиков В.Т.* Вклад русских ученых в исследование Кореи // Вопросы географии. М.: Географгиз, 1948.

6. *Звегинцов А.И.* Поездка в Северную Корею // Известия ИРГО. 1900. Т. 36. С. 502—518.

7. *Звегинцов А.И.* Северная Корея: Сборник описаний позиций. СПб.: Экон. типо-лит., 1901.

8. *Звегинцов А.И.* Описание Жёлтого и Японского морей и Корейского пролива как районов военных действий. СПб.: Воен.-стат. отд. Гл. штаба, 1904.

9. *Комаров В.Л.* Флора Маньчжурии. Т. 1. СПб.: Типо-лит. «Герольда», 1901.

10. *Корф Н.А, Звегинцов А.И.* Военное обозрение Северной Кореи. СПб.: Воен.-стат. отд. Гл. штаба, 1904.

11. *Лубенцов А.Г.* Хамкенская и Пхиенанская провиции Кореи // Записки Приамурского отдела ИРГО. 1897. Т. II, вып. 4. С. 1—297.

12. *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008.

13. *Львов Ф.А.* Лиходеи бюрократического самовластья как непосредственные виновники первой русско-японской войны. СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1906.

14. Накануне русско-японской войны (декабрь 1900 г. — январь 1902 г.) // Красный Архив. 1934. Т. 63. С. 3—54.

15. Описание Кореи: Сост. в Канцелярии министра финансов. Ч. 1. СПб.: Министерство финансов, 1900.

16. *Позднеев Д.М.* Описание Маньчжурии. Т. 1. СПб.: Министерство финансов, 1897.

17. Русско-японская война 1904—1905 гг.: Работа Воен. ист. комис. по описанию рус.-яп. войны. Т. 1. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1910.

18. *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Русского географического общества. 1845—1895. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896.

19. *Симанский П.Н.* События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891—1903 гг.) // Военно-исторический журнал. 1910. № 10. С. 86—89.

20. *Шестова Т.Л.* Глобальная история как направление научных исследований // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 6. С. 68—74.

21. *Шестова Т.Л.* Истоки и перспективы глобальной истории // Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества): Хрестоматия / Под ред. Л.Е. Гринина и др. Волгоград: Учитель, 2012. С. 77—82.

22. *Шестова Т.Л.* Глобальная история. М.: Изд-во Московского университета, 2022.

23. *Шмидтъ П.Ю.* Вести из Корейской экспедиции // Известия ИРГО. 1900. Т. 36. С. 463—501.

24. *Шмидтъ П.Ю.* Корея и Корейцы. СПб.: Типографія Акц. общ. Брокгаузъ—Ефронъ, 1900.

25. *Шмидтъ П.Ю.* Страна утреннего спокойствия: Корея и ее обитатели, СПб.: О.Н. Попова, 1904.

26. 王禹浪. 东北流域文明研究 [*Ван Юлан*. Исследование цивилизации северо-восточного бассейна реки]. Пекин: Литературная пресса по общественным наукам, 2016.

27. 大清律例 [Дацин люйли]. Министерство промышленности Шэнцзин, период Гуансюй династии Цин. 1768. Т. 962. С. 45921—45924.

28. 斯塔夫里阿诺斯. 全球通史: 1500年以后的世界 [*Ставрианос Л.С.* Всеобщая история мира — мир после 1500 г.]. Шанхай: Изд-во Шанхайской академии социальных наук, 1999.

29. 陈嵘. 中国森林史料 [*Чэнь Жун*. Исторические материалы китайского леса]. Пекин: Китайское издательство лесного хозяйства, 1983.

30. 池翔. 重塑边疆: 鸭绿江右岸的林木采伐、森林交涉与边疆秩序 [*Чи Сян*. Изменение границы: Вырубка леса, переговоры по лесному хозяйству и порядок границы на правом берегу реки Ялу] // 重庆大学学报 (社会科学版) [Журнал Чунцинского университета (издание по социальным наукам)]. 2020. № 5. С. 267—278.

31. *Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A.* The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2017.

32. *Campbell C.W.* A Journey through North Korea to the Ch'ang-pai Shan // Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. 1892. Vol. 14, N 3. P. 141—161.

33. *Heidegger M.* Poetry, Language, Thought. N.Y.: Harper & Row, 1971.

34. *Lukoianov I.V.* The Bezobrazovtsy // The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero / Ed. by J.H. Steinberg et al. Leiden: Brill, 2005.

35. *Nianshen Song*. Northeast Eurasia as Historical Center: Exploration of a Joint Frontier // The Asia-Pacific Journal. 2015. Vol. 13, N 43. P. 1—17.

36. *Nianshen Song*. Making Borders in Modern East Asia: The Tumen River Demarcation, 1881—1919. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

37. 韓国の中立宣言 [Декларация о нейтралитете в Корее] // あさひしんぶん [Асахи Симбун]. 1904. 25 янв.

38. 横手慎二. 日露戦争史: 20世紀最初の大国間戦争 [*Ёкоте С.* История русско-японской войны: Первая война великих держав XX века]. Токио: Тюокорон-Синша, 2005.

39.「日英協約交渉顛末」JACAR (アジア歴史資料センター) [«Краткое изложение переговоров по англо-японскому соглашению» JACAR (Японская ассоциация исторических записей)]. URL: https://www.jacar.archives.go.jp/das/meta/B06150007200 (дата обращения: 20.03.2025).

40. 戸水寛人. 日露開戦論纂 [*Хирондо Т.* Сборник сочинений о начале войны между Японией и Россией]. Токио: Цзохара Вэйчан, 1903.

41. 김원수.「압록강 위기 와 러일전쟁-전지구적 국제관계와 연계하여 [*Вон-Су Ким.* Кризис Ялу и русско-японская война в связи с глобальными международными отношениями] // 세계 역사와 문화 연구 [Изучение всемирной истории и культуры]. 2010. Т. 23. С. 115—141.

REFERENCES

1. Abaza A.M. Russkie predpriyatiya v Koree v svyazi s nashey politikoy na Dal'nem Vostoke 1898—1904 [Russian enterprises in Korea in connection with our policy in the Far East 1898—1904. December 1905]. GARF. F. 601. Op. 1. D. 529. P. 18. (In Russ.)

2. Ahnert E.E., Komarov V.L. Zapiska o plane rabot Man'chzhurskoy ekspeditsii na 1897 god [Note on the work plan of the Manchurian expedition for 1897]. Izvestia IRGO [News of the IRGO]. 1897. Vol. 33. Pp. 95—97. (In Russ.)

3. Garin-Mikhailovsky N.G. Po Koree, Man'chzhurii i Lyaodunskomu poluostrovu [Across Korea, Manchuria and the Liaodong Peninsula]. SPb.: Znanie, 1904. (In Russ.)

4. Dnevnik A.N. Kuropatkina [Diary of A.N. Kuropatkin. 1903. July 24]. GARF. F. 543. Op. 1. D. 183. L. 100—101. (In Russ.)

5. Zaychikov V.T. Vklad russkikh uchenykh v issledovanie Korei [The contribution of Russian scientists to the study of Korea]. Voprosy geografii [Questions of geography]. M.: Geografgiz, 1948. (In Russ.)

6. Zvegintzov A.I. Poezdka v Severnuyu Koreyu [A trip to North Korea]. Izvestia IRGO [News of the IRGO]. 1900. Vol. 36. Pp. 502—518. (In Russ.)

7. Zvegintzov A.I. Severnaya Koreya: Sbornik opisaniy pozitsiy [North Korea: A collection of descriptions of positions]. SPb.: Econ. typo-lit., 1901. (In Russ.)

8. Zvegintzov A.I. Opisanie Zhyoltogo i Yaponskogo morey i Koreyskogo proliva kak rayonov voennykh deystviy [Description of the Yellow and Japanese Seas and the Korean Strait as areas of military operations]. SPb.: Voen.-stat. otd. Gl. shtaba, 1904. (In Russ.)

9. Komarov V.L. Flora Man'chzhurii [Flora of Manchuria]. Vol. 1. SPb.: Typ.-lit. «Gerolda», 1901. (In Russ.)

10. Korf N.A., Zvegintzov A.I. Voennoe obozrenie Severnoy Korei [Military review of North Korea]. SPb.: Voen.-stat. otd. Gl. shtaba, 1904. (In Russ.)

11. Lubentsov A.G. Khamkenskaya i Phienanskaya provintsii Korei [Khamken and Phiyanan provinces of Korea]. Zapiski Priamurskogo otdela IRGO [Notes of the Amur department of the IRGO]. 1897. T. IV, Issue 2. Pp. 1—297. (In Russ.)

12. Lukoyanov I.V. «Ne otstat' ot derzhav...». Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX — nachale XX v. ["Not to lag behind the powers..." Russia in the Far East in the late 19th — early 20th centuries. SPb.: Nestor-History, 2008. (In Russ.)

13. Lvov F.A. Likhodei byurokraticheskogo samovlast'ya kak neposredstvennye vinovniki pervoy russko-yaponskoy voyny [Villains of bureaucratic autocracy as direct culprits of the first Russo-Japanese war]. SPb.: Typo-lit. «Energia», 1906. (In Russ.)

14. Nakanune russko-yaponskoy voyny (dekabr? 1900 g. — janvar' 1902 g.) [On the eve of the Russo-Japanese War (December 1900 — January 1902)]. Krasnyy Arkhiv [Red Archive]. 1934. Vol. 63. (In Russ.)

15. Opisanie Korei: Sost. v Kantselyarii ministra finansov. Ch. 1 [Description of Korea: Comp. in the Office of the Minister of Finance. Part 1.]. SPb.: Ministerstvo finansov, 1900. (In Russ.)

16. Pozdneev D.M. Opisaniye Man'chzhurii. T. 1 [Description of Manchuria. Vol. 1]. SPb.: Ministerstvo finansov, 1897. (In Russ.)

17. Russko-yaponskaya voyna 1904—1905 gg.: Rabota Voen. ist. komis. po opisaniyu russ.-yap. voyny. T. 1 [The Russo-Japanese War of 1904—1905: Work of the Military Hist. Commission for the Description of the Russo-Japanese War. Vol. 1]. SPb.: Tip. A.S. Suvorin, 1910. (In Russ.)

18. Semenov P.P. Istoriya poluvekovoy deyatel'nosti Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1845—1895. Ch. 1 [History of the Half-Century Activity of the Russian Geographical Society 1845—1895. Part 1]. SPb.: Tip. V. Bezobrazova and K°, 1896. (In Russ.)

19. Simansky P.N. Sobytiya na Dal'nem Vostoke, predshestvovavshie russko-yaponskoy voyne (1891—1903 gg.) [Events in the Far East preceding the Russo-Japa-

nese War (1891—1903)]. Voenno-istoricheskiy zhurnal [Military-historical journal]. 1993. N 10. Pp. 60—64. (In Russ.)

20. Shestova T.L. Global'naya istoriya kak napravlenie nauchnykh issledovaniy [Global history as a direction of scientific research]. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2011. N 6. Pp. 68—74. (In Russ.)

21. Shestova T.L. Istoki i perspektivy global'noy istorii [Origins and prospects of global history]. Universal'naya i global'naya istoriya (evolyutsiya Vselennoy, Zemli, zhizni i obshchestva): Khrestomatiya [Universal and global history (evolution of the Universe, Earth, life and society): Reader]. Pod red. L.E. Grinina i dr. Volgograd: Uchitel, 2012. Pp. 77—82. (In Russ.)

22. Shestova T.L. Global'naya istoriya [Global History]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2022. (In Russ.)

23. Shmidt P.Yu. Vesti iz Koreyskoy ekspeditsii [News from the Korean Expedition]. Izvestia IRGO [News of the IRGO]. 1900. Vol. 36. Pp. 463—501. (In Russ.)

24. Shmidt P.Yu. Koreya i Koreytsy [Korea and the Koreans]. SPb.: Brockhaus—Efron, 1900. (In Russ.)

25. Shmidt P.Yu. Strana utrennego spokoystviya : Koreya i yeye obitateli [The Land of Morning Calm: Korea and its Inhabitants]. SPb.: O.N. Popova, 1904.

26. 王禹浪. 东北流域文明研究 [Wang Yulang. Research on the Civilization of Northeast China Basin]. Beijing: Social Science Literature Press, 2016. (In Chin.)

27. 大清律例 [The Great Qing Legal Code. Ministry of Industry Shengjing, Guangxu Period of the Qing Dynasty]. 1768. Vol. 962. Pp. 45921—45924. (In Chin.)

28. 斯塔夫里阿诺斯. 全球通史: 1500年以后的世界 [Stavrianos L.S. A Global History: From Prehistory to the 21st Century]. Shanghai: Shanghai Academy of Social Sciences Press. (In Chin.)

29. 陈嵘. 中国森林史料 [Chen Rong. Historical Materials on Chinese Forests]. Beijing: China Forestry Press, 1983. (In Chin.)

30. 池翔. 重塑边疆: 鸭绿江右岸的林木采伐、森林交涉与边疆秩序 [Chi Xiang. Reinventing the frontier: Forestry development, negotiations, and frontier order on the right bank of the Yalu River]. 重庆大学学报 (社会科学版) [Journal of Chongqing University (Social Science Edition)]. 2020. N 5. Pp. 267—278. (In Chin.)

31. Batsaki Y., Cahalan S.B., Tchikine A. The Botany of Empire in the Long Eighteenth Century. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2017.

32. Campbell C.W. A Journey through North Korea to the Ch'ang-pai Shan. Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. 1892. Vol. 14, N 3. Pp. 141—161.

33. Heidegger M. Poetry, Language, Thought. N.Y.: Harper & Row, 1971.

34. Lukoianov I.V. The Bezobrazovtsy. The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero. Ed. by J.H. Steinberg et al. Leiden: Brill, 2005.

35. Nianshen Song. Northeast Eurasia as Historical Center: Exploration of a Joint Frontier. The Asia-Pacific Journal. 2015. Vol. 13, N 43. Pp. 1—17.

36. Nianshen Song. Making Borders in Modern East Asia: The Tumen River Demarcation, 1881—1919. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

37. 韓国の中立宣言 [Korea's Neutrality Declaration]. あさひしんぶん [Asahi Shimbun]. January 25, 1904. (In Japan.)

38. 横手慎二. 日露戦争史: 20世紀最初の大国間戦争 [Shinji Yokote. History of the Russo-Japanese War: The first great power war of the 20th century]. Tokyo: Chuokoron-Shinsha. 2005. (In Japan.)

39.「日英協約交渉顛末」JACAR (アジア歴史資料センター) [The Summary of the Anglo-Japanese Treaty Negotiations. JACAR (Japan Association of Historical Records)]. URL: https://www.jacar.archives.go.jp/das/meta/B06150007200 (date of access: 20.03.2025). (In Japan.)

40. 戸水寛人. 日露開戦論纂 [Tomizu Hirondo. An essay on the outbreak of the Russo-Japanese war]. Tokyo: Kurarahara Koreaki, 1903. (In Japan.)

41. 김원수.「압록강 위기 와 러일전쟁-전지구적 국제관계와 연계하여 [Won-Soo Kim. The Yalu Crisis and the Russo-Japanese War (Related with Global International Relations)]. 세계 역사와 문화 연구 [Study of world history and culture]. 2010. Vol. 23. Pp. 115—141. (In Korean)